

Лесков Николай Семенович

Великосветский раскол

Лорд Редсток, его учение и проповедь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Семенович Л.**
Великосветский раскол: Лорд Редсток, его учение и проповедь / Лесков Николай Семенович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 122 с.

ISBN 978-5-519-93307-0

ISBN 978-5-519-93307-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сфинксомъ. Кто же онъ такой взаправду и чего его безпокойному духу хочется отъ нашего благоденственнаго покоя? Этотъ вопросъ давно слышится съ разныхъ сторонъ и на него, мнѣ кажется, нуженъ какой-нибудь обстоятельный отвѣтъ. Дѣло въ послѣднее время доведено нашею печатью до того, что этого нельзя больше оставлять въ тѣняхъ: хищный волкъ пролѣзъ въ нашу овчарню и рыщетъ по ней, грозя расхитить и распудить самыхъ тонкорунныхъ овецъ. Тотъ гражданскій журналъ, который требовалъ высылки Редстока за границу, уже смѣло бросилъ самыя суровыя укоризны нашимъ іерархамъ за ихъ будто бы неумѣстную толерантность къ этому «непризанному апостолу». Конечно онъ не могъ этого сдѣлать безъ основательныхъ и сильныхъ побужденій. Въ обществѣ пошли странные толки. Что же это: нѣтъ ли уже и впрямь у насъ новаго Поцѣя и Мелетія Смотрицкаго, нѣтъ ли измѣны въ церкви? И обстоятельства давали пищу этимъ толкамъ: такъ въ это самое время одинъ весьма почтенный церковно-общественный журналъ (Церковно-Обществ. Вѣстникъ) въ отпоръ сѣтованіямъ о терпимости къ Редстоку и настойчивому требованію его высылки изъ Россіи называлъ эти выходки «фарисействомъ» и указывалъ зло не въ проповѣди л. Редстока, а въ нѣкоторыхъ пныхъ явленіяхъ церковно-общественной жизни, которыхъ мы въ настоящей статьѣ касаться не будемъ. Такимъ образомъ на глазахъ общества произошла чрезвычайная странность: откуда бы, казалось, можно было ожидать снисходительной терпимости, оттуда были брошены перуны, не только въ заѣзжаго гостя, но и въ своихъ іерарховъ, а гдѣ можно бы надѣяться встрѣтить суровый ригоризмъ, тамъ къ дѣлу отнеслись необыкновенно мягко и снисходительно,—просто сказать, повторяя ходячую фразу—«заступились за Редстока».... Все это было для однихъ безуміе, для другихъ же претыканіе и соблазнъ, а дѣло этимъ все-таки ни мало не выяснилось; но напротивъ еще больше запуталось: міряне вопіютъ противъ еретика, что онъ «разоряетъ церковь», а спеціалисты въ церковныхъ дѣлахъ не внемлютъ этому и какъ бы имѣя очи не видятъ и имѣя уши не слышатъ.... Кто же не соблазнится о семъ?.. И дѣйствительно многіе соблазнились,—но впрочемъ кажется на первый разъ довольно слегка: стоило лорду уѣхать, какъ все успокоилось,—словно посѣянной имъ ереси

нѣтъ слѣда,—все опять стало на мѣстѣ и процвѣтаетъ въ «богочрежденномъ порядкѣ». Но вотъ земля свершила свой путь: нивы полей созрѣли и убраны въ житницы; поселяне достаютъ изъ-подъ законченныхъ застрѣхъ свѣтцы и берутся за веретено да за кочедыкъ, а культурные горожане возвращаются изъ своихъ лѣтнихъ странствій; въ Петербургѣ снова въ сборѣ «весь тоалетъ» и его праздный, скучающій и самъ себѣ надоевшій «свѣтъ» вѣроятно скоро снова выпишетъ своего расколоучителя. Снова пойдутъ восторги умиленія у однихъ и полетятъ свирѣпая и безтолковая брань отъ другихъ. Опять мы будемъ читать іереміады о равнодушіи іерарховъ и опять встревоженные этимъ простодушные люди исполошатся о «церковной измѣнѣ».

Но довольно уже всего этого, и не пора ли въ этой странной игрѣ вскрыть карты?

Весьма пора; это надо начать съ того, съ чего впрочемъ должны бы были начать противники Редстока и обвинители русскихъ іерарховъ въ равнодушіи и потворствѣ еретикѣ: надо обличить смутьяна и открыть измѣну. Прежде всего надо вывести Редстока на чистую воду; надо показать его, каковъ онъ есть, съ его жизнью и проповѣдью. Пусть онъ явится на судъ общественнаго мнѣнія, и пусть тогда гласъ Божій—гласъ народа скажетъ: что достоинъ намъ съ нимъ сдѣлать и основательны ли тѣ болѣе чѣмъ смѣлые укоры, которые были брошены нашимъ іерархамъ и до сихъ поръ остаются въ ухѣ тѣхъ, кто ихъ слышалъ.

Мы попытаемся въ этихъ цѣляхъ представить общественному вниманію нѣкоторыя не безъ труда добытыя нами свѣдѣнія о лордѣ Редстокѣ, его ученіи и проповѣди. Свѣдѣнія эти не особенно точны и весьма неполны, но все-таки я надѣюсь, онѣ дадутъ нѣкоторую возможность составить о немъ довольно правильное понятіе.

II.

Родъ лордовъ Редстокъ происходитъ изъ Ирландіи, но его фамилія давно оставила Ирландію и живетъ въ Англіи. Отецъ нынѣшняго проповѣдника жилъ въ Англіи безвыездно и здѣсь же женился на дѣвицѣ изъ очень хорошей фамиліи. Онъ самъ велъ жизнь свѣтскую и ничѣмъ особеннымъ не отличался. У

этихъ супруговъ былъ одинъ сынъ—нынѣшній проповѣдникъ Гренвиль Вамъдигревъ и двѣ дочери. Старшая изъ нихъ замужемъ за весьма богатымъ лордомъ Б. въ Норичѣ, а другая не пошла замужъ и осталась въ дѣвцахъ. При жизни старшаго лорда, супруга его и мать нынѣшняго проповѣдника вращалась въ кругу такъ называемаго «высшаго общества», къ которому впрочемъ никогда ни какихъ симпатій не чувствовала, и поддерживала свѣтскія отношенія единственно изъ покорности волѣ мужа. Свѣтская жизнь ее не удовлетворяла и она искала пищи для духа въ благочестіи и благотвореніяхъ. Насколько могла, она занималась благотворительностью, разумѣется, какъ свѣтская дама; но облегчая по мѣрѣ возможности матеріальныя нужды бѣдняковъ она имѣла въ виду и ихъ нравственныя страданія: это развило въ ней стремленіе не только помочь человѣку въ его временной нуждѣ, но и дать ему духовное возрожденіе. Это ее заняло и увлекло: самая пустота свѣтской жизни ей стала сноснѣе. Обратясь къ этому дѣлу сначала можетъ быть какъ къ средству уйти отъ окружающей ее свѣтской среды, она потомъ искренно полюбила эту дѣятельность и привязалась къ ней страстно. По смерти мужа, разрѣшившей ее отъ извѣстной доли обязательствъ, она совершенно отказалась отъ свѣта и предалась посѣщенію бѣдныхъ. Говорятъ, что будто у леди Редстокъ это совсѣмъ не было столь извѣстныя и столь опомѣвшія прогулки въ каретѣ *pour passer le temps*, но я ничего не могу объ этомъ удостовѣрить. Масса фарисейства, которое уже ни какъ не отдѣляется отъ этихъ «посѣщеній», заставляетъ быть на этотъ счетъ очень осторожнымъ. Извѣстно впрочемъ, что леди Редстокъ видали въ самыхъ ужасныхъ притонахъ самыхъ дурныхъ кварталовъ Лондона: она ходила даже въ дома терпимости, откуда будто бы вытаскила и обратила къ честной трудовой жизни не одну жертву. Это конечно уже подвигъ прямого добра и подвигъ трудный, потому что на извѣстной степени нравственнаго паденія почти ни одна женщина въ мірѣ не являетъ такой наглости и загрубѣлости, какъ англичанки. Одѣтая болѣе чѣмъ скромно и непремѣнно съ Библіей въ рукѣ старая леди смѣло шла всюду: однимъ помогала вещественно, другихъ отрывала отъ порочной жизни и не переставала заниматься этимъ до 68 лѣтъ своей жизни. Надъ нею смѣялись, мо-

жетъ быть не менѣе, чѣмъ нынѣ смѣются надъ ея сыномъ, но ни насмѣшки прежнихъ свѣтскихъ знакомыхъ, ни грубости и оскорбленія, которыя ей случалось переносить отъ тѣхъ, для которыхъ она нисходила въ самые темные трущобы разврата, на нее не дѣйствовали, или лучше сказать, дѣйствовали на нее успокоивая ее, что она дѣлаетъ настоящее дѣло, и укрѣпляя ее идти впередъ неуклонно къ своей цѣли.

Говорили, что будто бы она имитировала извѣстную Елизавету Фрей; но въ первыхъ леди Редстокъ совсѣмъ не того пера и не того полета, какъ Елизавета Фрей, а во вторыхъ это для насъ безразлично. По моему леди Редстокъ очень малая величина для того, что бы ее вытягивать до высокаго облика Елизаветы Фрей. О ней довольно просто сказать, что она старалась служить Христу въ лицѣ Его меньшихъ братьевъ и дѣлала это какъ умѣла: она не боялась осужденій и насмѣшекъ, шла всюду одна и гдѣ она побывала, тамъ побывали съ нею помощь и утѣшеніе. Если это и мода, то очень хорошая мода. Въ одинъ изъ такихъ своихъ выходовъ, всего года за три до смерти, старая леди встрѣтилась въ одномъ мрачномъ вертепѣ съ нашимъ русскимъ священникомъ, покойнымъ отцемъ Евгеніемъ Поповымъ. Встрѣча ихъ была въ такомъ мѣстѣ, куда не рѣшится войти и мало-мальски щепетильный мужичина и потому появленіе здѣсь старой леди удивило и поразило о. Попова, и онъ ей сказалъ это, но она ему отвѣчала такъ спокойно, что онъ пожелалъ съ нею познакомиться и назвалъ себя и свой санъ.

О, какъ я счастлива, что видѣла священника тамъ, гдѣ глубокое паденіе требуетъ непрерывной помощи: былъ отвѣтъ леди.

Съ этой встрѣчи леди Редстокъ и русскій священникъ подружились.

Это обстоятельство достойно замѣчанія въ томъ отношеніи, что отсюда началось сближеніе семьи Редстока съ русскими: покойный о. Евг. Поповъ былъ первый русскій, который узнавъ старую леди Редстокъ познакомился со всѣмъ ея семействомъ и былъ всегда ихъ неизмѣннымъ домашнимъ другомъ. Такое же дружелюбіе Редстоки питали къ семейству о. Попова. Покойный о. Евгеній много бесѣдовалъ съ Гренвилемъ Редстокомъ и конечно зналъ всѣ его религіозныя взгляды. Нѣтъ со-

мнѣнія, что онъ не раздѣлялъ ихъ, но онъ никогда не считалъ ихъ предосудительными и вредными: по его мнѣнію, которое о. Евг. Поповъ высказывалъ весьма многимъ, молодой (тогда) лордъ Редстокъ имѣетъ въ основѣ своихъ религіозныхъ сужденій взглядъ чисто протестантскій. Когда о Редстокѣ уже пошли разнорѣчивые толки въ Россіи, о. Поповъ, выслушавъ ихъ однажды отъ одного почтеннаго русскаго человѣка, пожалъ плечами и замѣтилъ:

— Не понимаю право, въ чемъ у васъ дѣло. Редстокъ, разумѣется, протестантъ и разумѣется, онъ во многомъ не согласенъ съ нами во взглядѣ на церковныя учрежденія, но онъ очень деликатенъ и въ бесѣдѣ его нѣтъ ничего оскорбительнаго ни для чьихъ вѣрованій. Я давно знакомъ съ этимъ семействомъ, глубоко всѣхъ ихъ уважаю и много разъ слушавъ Гренвиля Редстока всегда находилъ его бесѣду простою, теплою, задушевною и притомъ совершенно свободною отъ всякаго догматическаго спора,—что мнѣ очень пріятно и по моему мнѣнію составляетъ лучшее украшеніе «христіанской бесѣды».

Старая леди Редстокъ, осмѣянная за свое уклоненіе отъ свѣта, не осталась одинокою въ этомъ уклоненіи: она увлекла своимъ примѣромъ за собою не только нѣсколькихъ дамъ своего круга, но даже и немногихъ мужчинъ. Главнымъ предметомъ ихъ заботъ и попеченій опять таки были такъ-называемыя «жертвы общественнаго темперамента»: леди и ея друзья устроили большой домъ для этихъ несчастныхъ, которыя желали оставить свою позорную торговлю. Домъ этотъ былъ приспособленъ на 800 женщинъ; сама леди пеклась объ этомъ пріютѣ неусыпно—сынъ былъ ея первымъ помощникомъ и ея правою рукою. Въ послѣдніе годы своей жизни, старушка очень часто хворала и ослабѣвъ отъ болѣзней уже не могла быть такъ дѣятельна, но по мѣрѣ силъ все-таки трудилась до послѣдней минуты. Она была не безъ своего рода странностей, къ числу которыхъ, на примѣръ, надо отнести ея непримпримую ненависть къ римско-католической пропагандѣ. На стѣнѣ у старой леди была карта Великобританіи, на которой она сама съ глубокой скорбью отмѣчала червыми пятнами всѣ мѣста, гдѣ были изстари или вновь появлялись католики съ своими монастырями или школой. Бѣдная старушка, добросовѣстно дѣлая свои печальныя отмѣтки,

не могла не видать съ сокрушеннымъ сердцемъ, что ея карта все темнѣетъ отъ «черныхъ пятенъ» и она съ ужасомъ указывала на это всѣмъ, говоря:—«Глядите, какъ видимо возрастаетъ гнѣвъ Божій! Вотъ уже врагъ Христовъ успѣлъ сколько людей отклонить отъ служенія Богу въ духѣ и истинѣ, къ поклоненію безплодному суевѣрію, которое есть мерзость предъ Господомъ. Дьяволъ не дремлетъ, не дремлите и вы: противодѣйствуйте антихристу, если не хотите потерять Христа».

Успѣхи римско-католической пропаганды повсюду, а особенно въ Англіи, — которой, разумѣется, принадлежали патріотическія привязанности леди Редстокъ, — огорчали ее безмѣрно и, можно сказать, отравляли ея послѣдніе дни; но въ часъ смерти и эти смятенія утихли. Въ самыя послѣднія минуты своей жизни она думала только о предстоящемъ ей переходѣ въ вѣчность; ждала этого съ величайшимъ нетерпѣніемъ, и умерла спокойно.

III.

Какъ по родной нашей пословицѣ отъ яблони не далеко катятся выросшія на ней и съ ея вѣтвей упавшія яблоки, такъ и дѣти часто недалеко отпадаютъ отъ путей родительскихъ. Это случилось и въ семействѣ Редстоковъ.

Изъ дочерей покойной леди Редстокъ, старшая леди Б. въ значительной мѣрѣ унаслѣдовала отъ матери ея любовь къ Богу и ближнимъ, но ея мужъ лордъ Б., занимая видное положеніе, ведетъ жизнь очень открытую, отъ которой и жена его, разумѣется, не можетъ держаться совсѣмъ въ сторонѣ; но она много помогаетъ бѣднымъ поселянамъ въ большихъ помѣстьяхъ ея мужа: она занимается съ ихъ дѣтьми въ воскресныхъ школахъ и вообще держитъ себя такъ, что ее знаютъ и любятъ бѣдные люди. Кто не можетъ сдѣлать большаго, для того можетъ быть достаточно достигать хоть этого.

Другое яблоко еще ближе остановилось у яблони: это другая дочь старой леди, миссъ В. Эта дѣвушка покончила съ свѣтскою жизнію тѣмъ, что не захотѣла и знать ее. Она считаетъ единственнымъ достойнымъ дѣломъ продолжать дѣло своей матери. Пользуясь достаточными средствами и обладая свободнымъ знаніемъ французскаго языка, миссъ В. не держится Ан-

глин, гдѣ ее болѣе или менѣе знаютъ, а отправляется во Францію, въ Швейцарію и въ Бельгію и возвращается оттуда не съ кружевами и лентами, а съ живыми трофеями своихъ походовъ, по намѣченному матерью маршруту. Такое явленіе, какъ миссъ В. и въ Англіи еще довольно одиноко, а мы русскіе хотя и могли бы поставить рядомъ съ нею многимъ извѣстную княжну М. М. Д. К., но побережемъ голубиную кротость и скромность нашей превосходной соотечественницы, оцѣнка которой вся въ будущемъ.

Гренвиль Вальдигревъ лордъ Редстокъ, нынѣшній проповѣдникъ, выросъ вмѣстѣ съ сестрами своими, такъ сказать «при ногу своей матери» и съ самыхъ раннихъ лѣтъ по своимъ наклонностямъ обнаружилъ съ нею самое разительное сходство. Нѣжно любя свою мать онъ считалъ достойнымъ вниманія и любви только то, что ее интересовало и что она любила. Онъ былъ воспитанъ въ строгомъ исполненіи всѣхъ требованій англиканской церкви, къ которой принадлежали и теперь принадлежать всѣ члены семейства Редстокъ. Воскресные дни въ ихъ семействѣ соблюдались «съ педантическою строгостью англійскихъ добрыхъ порядковъ», — день седьмый здѣсь всегда былъ свободенъ отъ всѣхъ заботъ и отдавался Господу Богу. Это доводилось до педантической, или лучше сказать талмудической точности. Кушанье приготовлялось наканунѣ: готовить его въ воскресенье считалось грѣхомъ; самый обѣденный часъ въ этотъ день былъ измѣненъ для того, чтобы прислуга подавъ холодный обѣдъ господамъ могла быть свободна. Всякая свѣтская книга или журналъ, всякое нерелигіозное чтеніе, даже составленіе дѣловаго письма было запрещено и отлагалось до другаго дня. Кучеръ въ этотъ день не закладывалъ лошадей; люди обо его пола, передавъ господамъ ключи, уходили въ церковь, а потомъ въ свои семейства. На столахъ въ этотъ день лежали только Библіи различныхъ изданій и нѣкоторыя другія книги религіознаго содержанія. Утромъ, вполдень и вечеромъ, все семейство собиралось пѣть гимны, и три раза въ день ходило къ богослуженію. Порядокъ этотъ держался строго и неизмѣнно и ему безпрекословно подчинялся самъ покойный лордъ, хотя ему это очень не нравилось. Онъ, какъ выше сказано, не раздѣлялъ религіознаго настроенія своей жены, но ради мира семей-

наго и единодушія подчинялся въ этомъ случаѣ установленному ею порядку. Состояніе стараго лорда Редстока было хотя не изъ крупныхъ, но они получали годового дохода около 4-хъ тысячъ фунтовъ стерл. (около 30 т. р. на наши деньги) и могли жить съ достаткомъ.

IV.

Гренвиль Вальдигревъ въ отрочествѣ своемъ былъ помѣщенъ въ лучшей коллегіи Англіи — Итонъ (Eton). Онъ учился очень прилежно, и всегда отличался доброй нравственностью. Окончивъ итонскій курсъ, онъ поступилъ въ Оксфордскій университетъ, гдѣ товарищами впервые была подмѣчена въ послѣдствіи усилившаяся страсть его къ проповѣди: онъ еще студентомъ любилъ уговаривать своихъ товарищей—молодыхъ людей жить во всемъ по Слову Божію. Конечно, это ему не всегда приносило удовольствіе, такъ какъ молодежь слушала его неохотно, и часто надъ нимъ подтрунивала; но онъ не унывалъ и стоялъ на своемъ и все проповѣдывалъ, и благовременно и безвременно. Въ эту же пору въ немъ развилась любовь къ вокальной и инструментальной музыкѣ, которой онъ предался страстно и посѣщалъ музыкальныя собранія и концерты. Окончивъ курсъ университета, молодой человѣкъ вступилъ въ военную службу. Это было уже по смерти его отца. До сего времени, какъ онъ самъ о себѣ говоритъ, онъ «былъ похожъ на того евангельскаго юношу, который только для видимости спрашивалъ у Христа, что ему надо дѣлать, чтобы спастись, а въ сущности былъ очень собою доволенъ».

«Сравнивая свое прошлое и настоящее съ образомъ жизни другихъ, я былъ увѣренъ, говоритъ онъ, что я буду оправданъ передъ Богомъ своимъ хорошимъ поведеніемъ и беззачестными дѣлами: я не ясно понималъ цѣль страданій Христа».

Потомъ, ему показалось, что будто онъ все это понималъ гораздо яснѣе. Вотъ какъ это было: однажды, онъ опасно заболѣлъ и въ болѣзни сталъ себя спрашивать ¹⁾ «идетъ ли онъ по

¹⁾ Все это самоиспытаніе л. Редстока я беру изъ письма лица, пользующагося дружбою проповѣдника и позволившаго мнѣ пользоваться этими строками, для очерка о Редстока. *Н. Л.*

пути истины или вѣтъ, и на что будетъ обречена его душа послѣ смерти тѣла»? Припоминая всѣ подробности своей жизни, Редстокъ ужаснулся—убѣдившись, что хотя онъ жилъ и далеко не хуже всѣхъ извѣстныхъ ему людей, но нерѣдко дѣйствовалъ вопреки Слова Божія. Какія добрыя дѣла онъ могъ назвать и сколько ихъ нужно набрать для искупленія хотя бы одного грѣха?—а грѣховъ набралось много и чѣмъ память болѣе углублялась въ прошлое, тѣмъ болѣе число ихъ всплывало. Больной началъ разсуждать въ себѣ: Христосъ своей смертью искупилъ ли *только одинъ первородный грѣхъ*, о которомъ говорятъ богословы, но о которомъ ни слова не сказано въ Библии—или Онъ искупилъ *всѣ грѣхи человечества*? У Редстока по всему выходило, что Христосъ искупилъ весь грѣхъ міра,—т.-е. *всѣ грѣхи человечества*, и тогда онъ сталъ себя вопрошать снова: «какое же въ такомъ случаѣ могутъ имѣть значеніе для нашего оправданія наши дѣла»? Онъ сводилъ и сравнивалъ знакомыя ему мѣста въ Библии и не находилъ разрѣшенія на этотъ вопросъ, который съ этихъ поръ началъ его томительно мучить. Письмо продолжаетъ: «наученный искать во всѣхъ такихъ случаяхъ небесной помощи онъ обратился къ молитвѣ, въ которой просилъ Бога послать и ему истолкователя, какъ нѣкогда былъ посланъ апостолъ Филиппъ къ неразумѣющему читаемаго евнуху царицы Эѳіопской. Помолясь онъ успокоился, вѣруя, что просимый имъ изъяснитель будетъ ему въ свое время посланъ; а между тѣмъ здоровье его поправилось: онъ окрѣпъ и сталъ выходить. Но въ душѣ его все копошился беспокойный червякъ, шевелившій одну назойливую мысль: «а что если уже поздно, что если онъ уже вычеркнутъ изъ Книги Жизни»?—Въ этомъ-то состояніи къ нему и былъ посланъ своего рода Филиппъ, «въ лицѣ одного миссіонера, уже много лѣтъ занимавшагося проповѣдью Евангелія какъ между некрещеными индійцами, такъ и между крещеными европейцами» (!?). Читая съ нимъ Слово Божіе, и слушая его толкованіе, Редстокъ *«вдругъ понялъ суть Евангелія*,—вдругъ уразумѣлъ, почему оно въ самомъ дѣлѣ «благая вѣсть». Основываясь на цитуемомъ мною письмѣ, Редстокъ это такъ именно выражаетъ и я такъ и удерживаю здѣсь это выраженіе. По совѣсти же говоря я въ этомъ ничего не понимаю и удивляюсь только одному: какъ Л. Редстокъ, зная Евангеліе, до

встрѣчи своей съ индійскимъ миссіонеромъ, не «уразумѣлъ: почему оно въ самомъ дѣлѣ *«благая вѣсть»*? Это всякому ясно и понятно. Но лордъ Редстокъ понялъ вотъ что — «онъ понялъ, что прощеніе грѣховъ за добрыя дѣла невозможно,—что грѣхи только могутъ быть омыты святою кровію, а святая кровь уже пролита, и омываетъ всякаго чувствующаго свою немощь и принимающаго Христа какъ единого Спасителя и единого ходатая между Богомъ и человѣчествомъ». Слѣдовательно всѣ «принявшіе Христа» спасены и имъ не о чемъ за себя безпокоиться и плакать: сердце ихъ должно быть полно радости всесовершенной. Онъ это такъ понялъ, и какъ онъ понялъ, такъ и рѣшилъ, что это и есть истина, годная не для него одного, а для всего человѣчества, которому онъ съ тѣхъ поръ ощутилъ neodолжимую потребность возвѣщать сію, по его словамъ «несказанную радость». Никакой страхъ столь возможной для каждаго человѣка единоличной ошибки и заблужденія лорда Редстока не остановилъ ни на минуту, и съ тѣхъ поръ онъ устремился «служить своему возлюбленному Искупителю», т.-е. говорить о Немъ, склоняя людей принять редстоковское мнѣніе объ оправданіи. И онъ пользовался этимъ обильно... О, какъ много разъ въ своей жизни повторилъ онъ то, что одинъ разъ вздумалъ! Даже въ нашъ вѣкъ неутомимыхъ говорильщиковъ, онъ по истинѣ самый неутомимый. Говорятъ, что будто онъ вывелъ изъ себя даже спокойнаго Фаррара (профессора Мальборусской академіи и капеллана королевы Великобританской) и въ сочиненіи сего послѣдняго «Жизнь Иисуса Христа» указываютъ слова, въ которыхъ находятъ намекъ на Редстока: это слѣдующее мѣсто въ разсказѣ объ исцѣленіи: «лучше служить Спасителю, совершая то, что онъ заповѣдалъ, чѣмъ прилагать свое нерѣдко неловкое усердіе къ прославленію Его имени» (Фар. стр. 179). И мудроно кажется не согласиться, что это дѣйствительно *лучше*, но это не все для Редстока. Довольно отважный, узкій и упрямый какъ фанатикъ, онъ ничего не считалъ важнѣе того, что ему нравилось. Его не занимало какъ достопочтеннаго Навиля поставить религію основою для измѣненія началъ жизни, а ему хотѣлось, чтобы религія скроилась *по его вкусу*. Никакихъ иныхъ плановъ у него не было и нѣтъ: а просто ему такъ показалось, такъ понравилось и онъ такъ учить. Можетъ ли это его уче-